УДК 81’25

АДАПТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ КАЛЬКОЙ

Руткевич Сергей Александрович
кандидат филологических наук, доцент
Полесский государственный университет
Пинск, Республика Беларусь

ADAPTATION OF THE RESULTS AT TRANSFER BY CALQUE

Rutkevich Sergey
PhD in Philology, Associate Professor
Polessky State University
Pinsk, Republic of Belarus

Аннотация: Статья посвящена проблеме адаптации перевода в системе своеязычных лексических, фразеологических, словообразовательных, грамматических, стилистических средств. Массу подтверждений необходимости, важности, адаптирования своеязычного наименования автор находит в массиве белорусских калек с русских слов и устойчивых словосочетаний.

Abstract: The article is devoted to the problem of adapting the translation in the system of peculiar language, phraseological, word-formation, grammatical, stylistic means. The author finds the mass of evidence of the necessity, importance, and adaptation of his own language in the array of Belarusian cripples with Russian words and stable phrases.

Ключевые слова: перевод; адаптация средства перевода; языковые контакты; воздействующий язык и язык–рецептор; калькирование как единство перевода и номинации (контроминации).

Keywords: translation; adaptation of means of translation; language contacts; influencing language and language – receptor; tracing as a unity of translation and nomination (kontromination).

При переводе с иностранного языка зачастую возникает потребность адаптации результата к требованиям языка–рецептора, к компетенциям или установкам его носителей.

Например, в близкородственных языках даже при наличии большого фонда общей лексики, общего корпуса морфем могут быть

ПолесГУ

такие различия в грамматике, которые потребуют от переводчика отказаться от перевода словом в пользу перевода раздельнооформленным номинантом или описательной конструкцией. (Проблема создания однословного соответствия может быть решена позднее, а редакций контрноминации может быть несколько.)

Так, в белорусском языке не нормативно образование причастий действительного залога настоящего времени. Поэтому невозможно перевести одним словом ни русские причастия, ни субстантиваты от них *разыгрывающий,связующий, атакующий, обороняющийся* (игрок). Суффиксы *–уч(юч)–* и *–ач(яч)–* в белорусском языке являются только суффиксами прилагательных и деепричастий. Поэтому адъективат *блестящий* (ответ) переводится среди синонимов адъективом *бліскучы* (адказ), а причастие *блестящий* (на солнце) – придаточной определительной частью сложного предложения *які блісціць* (на сонцы). И даже адъективат от действительного причастия настоящего времени может не иметь в белорусском языке готового средства однословного перевода при том, что глагол, от которого образовано причастие, принадлежит к русско–белорусским омолексам. Возьмем слово *выдающийся* (ученый). В*ыдаваться* (рус.) – *выдавацца* (бел.). Но *выдаючыся* – это в белорусском то же, что в русском *выдаваясь*. Поэтому понадобился и был создан контрноминант. Им стало слово *выбітны* (дзеяч), мотиватором для которого является близкий по значению глагол *выбівацца*, также относящийся к общей для данных языков лексике. И здесь отпричастное производное не может быть переведено таким же лексико–морфологическим производным, поскольку в белорусском нет (в норме) таких причастий. И здесь адъективат переводится адъективом. Таковы грамматические требования адаптации продукта перевода к системе воспринимающего воздействие языка. Сравните также русские слова *болеутоляющий, энергосберегающий* с их эквивалентами в белорусском: *болесуцішальны, энэргазберагальны*.

Необходимость адаптации, коррекции, ”тюнинга“ средства перевода может быть обусловлена более или менее значительными различиями в стилистических системах взаимодействующих языков. Особенно показательны здесь истории появления в белорусском, например, некоторых калек с русского.

Русский язык сохраняет гораздо больше корневых и аффиксальных морфем, унаследованных от старославянского (церковнославянского). Например, со старославянским (древнеболгарским) стилистически маркированным ”книжностью“ неполногласием: *–плен–, –враг–, –хлад–, –срам–, –здрав–; пре–, пред–…* В белорусском ему соответствует стилистически нейтральное древнерусское (генетически) полногласие: *–палон–, –вораг–, –холад–, –сорам–, –здаров–; пера–, перад–…*

Там, где в русском есть выбор между стилистическими вариантами типа *изыди – уйди, восстань – встань, чрезмерно (чрезвычайно) – чересчур, избрать – выбрать, низвергнуть – свергнуть, ниспадающий – спадающий..*, в белорусском выбора нет, так как старославянские по происхождению префиксы практически не используются в словообразовании (см. приставки в первых в данных парах словах).

То же можно сказать и о корнях слов. В русском встречаем: и – *хлад (хлажд)–*, и *–холод–;* и *–здрав(л)–*, и *–здоров(л)–;* и *–драг (драж)–*, и *–дорог(дорож)–;* и *–злат(злащ)–*, и *–золот(золоч)–…*

В белорусском – монополия полногласия.

Отсутствие в современном белорусском языке точных (прежде всего – стилистически) соответствий морфемам таких русских слов, как *отождествить, преходящий, изобретать, соревноваться, предшественник, беспризорник, приурочить, вероятный, целесообразный* потребовало от переводчиков ”творческого“, т.е. адаптирующего к системе своеязычных средств, калькирования: см. соответственно *атаясаміць, мінучы, вынаходзіць, спаборнічаць, папярэднік, беспрытульнік, прымеркаваць, верагодны, мэтазгодны*.

В переводах на белорусский русских слов с префиксоидом *благо – (благосостояние – дабрабыт, благоустройство – добраўпарадкаванне, благородный – высокародны...)* профилактирующая интерференцию адаптация вызвана еще и межъязыковой энантиосемией (*благі* в белорусском означает ”плохой, непристойный“). Та же энантиосемия, но уже в диахронии только русского языка, вызвала к жизни белорусскую кальку *абняславіць* с русского прототипа *ославить*. И здесь без ”*ня* – адаптации“ была бы вероятна интерференция при переводе.

При переводе неологизма готового средства перевода, как правило, нет. Его надо создать, образовать. Если иноязычный неологизм прозрачно для переводчика мотивирован (а в момент появления в языке все слова исконного происхождения прозрачно мотивированы для носителей данного языка), то он инициирует, провоцирует калькирование.

Сущность калькирования названий заключается в том, что язык–рецептор (в лице того или иного носителя, тех или иных говорящих) объективирует в иноязычном номинанте способ аргументации отношения именования и применяет его в соответствии со средствами и правилами своеязычной системы производства названий. Существует (к сожалению, до сих пор) и упрощенное представление о калькировании: калькирование – это поморфемный перевод. При таком взгляде на вещи совершенно игнорируется эмпирическая данность: многие кальки–словосочетания соответствуют прототипам–словам и наоборот; многие кальки не повторяют количество, статус формантов и (или) порядок их следования в объекте перевода; многие кальки мо-

ПолесГУ

тивированы не эквивалентами мотиваторов иноязычия, а их синонимами и даже ассоциатами; калькирование как средство перевода и калькирование как способ словопроизводства – разные явления (см. греч. *саркофаг* и этимологизирующую кальку с него **мясоед*: перевод тут есть, а словообразования нет), как не будет русским неологизмом калька с английского *tongue – twister* **языковерт(ка)*.

Именно потому, что калькирование – это не просто перевод иноязычия, а создание по иноязычному образцу (иногда по нескольким иноязычным образцам, включая уже имеющиеся в третьем, четвертом… языках кальки) своеязычного наименования чего–либо, калька должна быть органична в системе языка, она должна ”учитывать“ конвенциональную природу языка. Отсюда – наличие в процессе калькообразования этапа адаптации кальки, ”подгонки“ ее под семантику, грамматику, стилистику, прагматику воспринимающего языка.

Русское многозначное слово *отражать* до конца 20–х годов XX века переводилось белорусским *адбіваць* во всех значениях. Многими употребление слова *адбіваць* в оптических и образотворческом (в искусстве) значениях воспринималось как ненатуральное. И была предложена замена – *адлюстроўваць* (новообразование Владимира Дубовки). Мотиватором явилось слово *люстра* (“зеркало”) как название предмета с означаемым свойством, действием.

Русские глаголы *выдвигать, выдвинуть* переводятся на белорусский *высоўваць, высунуць*. Поэтому, когда в русском появились слова *выдвижение, выдвиженец, выдвиженчество* в связи с соответствующей социальной практикой – назначения на руководящие посты представителей рабочего класса и трудового крестьянства, в белорусских текстах на месте русского *выдвиженец* встречались и описательный оборот *той, каго высунулі*, и *высуванец*. Слова *висуванец, висуванка, висуванне* закрепились как нормативные в украинском языке. Для белорусских переводчиков (преимущественно журналистов, работников прессы) эти кальки были неблагозвучными, просторечными, отягощенными негативными коннотациями. Результатом адаптации, гармонизации перевода стали слова *вылучэнец, вылучэнне, вылучэнства* (автором считают Валерьяна Ляшевича). Как видим, мотиватором, внутренней формой создаваемого белорусского слова было избранно понятие “вылучыць, т.е. выделить, отобрать, отделить из массы”, закономерно входящее в то же семантическое (ассоциативное) поле, что и концепты, связанные с русским обозначением данного феномена социальной практики: *выделить, отобрать* – каузальные в данном контексте глаголы по отношению к глаголу *выдвинуть*; обозначенное ими содержание – существенная, необходимая, обусловливающая часть содержания, обозначенного кодом *выдвинуть*.

Русские слова *воплотить, воплощать, воплощение* переводились на белорусский язык словами *уцелавіць, уцелаўляць, уцелаўленне* (в конце 20–х годов XX века), *уцелясніць, уцелясняць, уцелясненне* (в начале 30–х). См. также укр. *втелять*, польск. *wcielać*. Но стилистическое несоответствие русского слова ПЛОТЬ общему для русского и белорусского языков слову *тело (цела)* вызвало у переводчиков ощущение неточности, небезупречности, несовершенства таких белорусских калек. И они не закрепились, не прижились в языке. Обнаружилось, что кальки с *олицетворить, олицетворять, олицетворение (увасобіць, увасабляць, увасабленне)* могут "работать" в белорусском еще и в значениях, соответствующих русским словам *воплотить, воплощать, воплощение*.

Как видим, не только замена неудачного варианта перевода более–менее пригодным, но и отказ от него, устранение его из языка–рецептора свидетельствует о необходимости и реальности адаптирования того – или иного варианта перевода (включая факты внутренней и непубличной внешней речи).

Среди не отредактированных, а "отбракованных" белорусским языком оказались еще такие кальки, как *стачкалом* (осталось *штрэйкбрэхер*), *агнялет* (осталось *фейярверк*), *аднагучнік (амонім), воднік (гідрат), словазнавец (лексіколаг*). Непривычность, искусственность этих образований, прочная освоенность заменяемых ими интернационализмов близкородственными языками, – все это потребовало подобной "ликвидирующей" адаптации подобных средств перевода.

Варьирование мотивированности объекта в связи с актуальностью задачи адаптации кальки, приспособления ее к системе воспринимающего воздействие языка и к установкам его носителей (среди которых может быть и установка на максимальное расподобление находящихся в отношениях перевода обозначений близкородственных языков) наблюдается также при сравнении с русскими названиями других белорусских калек и так называемых полукалек. При этом зачастую варьируется и способ словопроизводства, и количество структурных элементов: *действительный* (член академии) – *правадзейны* (первоначально *сапраўдны); вероисповедание – веравызнанне; бурый железняк – рудзяк; переводчик – перакладчык; делопроизводство – справавадства; злоупотребление – злоўжыванне; картофелехранилище – бульбасховішча; своеобразный – своеасаблівы; здравохранение – ахова здароўя, точка кипения – пункт кіпення, точка зрения – пункт погляду, приемное отделение – прыемны пакой, изобразить – выявіць, текущий счет – бягучы рахунак, (не)распространенное предложение – (не)развіты сказ, изящная словесность – прыгожае пісьменства*.

ПолесГУ

Список литературы

1. Баханькоў, А. Я. Словы–калькі ў беларускай мове савецкага часу / А. Я. Баханькоў // Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд: Сацыялістычны нарыс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – С. 78–98

ПолесГУ